

Е.А. Горбаренко

Санкт-Петербургский университет МВД России
Ленинградский областной филиал

«ГОРИЗОНТЫ ОЖИДАНИЙ» И ПРОБЛЕМА ДЕНЕГ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

В статье представлен опыт исследования романа Достоевского с точки зрения рецептивной эстетики. Автор уделяет основное внимание «горизонтам ожиданий» персонажей романа. Мышкин, согласно авторскому замыслу, является образом «положительно прекрасного человека» и сам становится универсальным «персонифицированным горизонтом ожиданий» для других героев. Еще одним важным фактором, определяющим «горизонт ожиданий» героев в романе, являются деньги. Отношение к деньгам – еще один универсальный критерий оценки личности того или иного героя.

Рецептивная эстетика, положительный герой, динамика художественного образа, горизонты ожиданий, сюжет романа.

Понятие «горизонты ожиданий» является ключевым в теории восприятия Х.-Р. Яусса и используется в области рецептивной эстетики. Сам Х.-Р. Яусс признавался, что заимствовал это понятие из работ социолога Карла Маннгейма и философа Карла Поппера. Например, он писал: «Поппер рассматривает “горизонт ожидания” как предпосылку наблюдения, а такой разворот проблемы наблюдения дает основание сопоставить его с моей попыткой определить специфическую роль литературы в общем процессе формирования опыта... <...> По Попперу, прогресс в науке и донаучный опыт объединяет то, что каждой гипотезе, как и каждому наблюдению, всегда предшествуют ожидания, “и именно те, которые конституируют горизонт ожидания, собственно, и делающий значимыми наблюдения...” [1, с. 91] <...> Для прогресса науки, как и для практики жизненного опыта, весьма существенным моментом является “разочарование в ожиданиях”» (здесь и далее курсив во всех цитатах, за исключением особо оговариваемых случаев, принадлежит мне. – Е. Г.) [2, с. 79].

Таким образом, для Маннгейма и Поппера, с одной стороны, и для Яусса – с другой, понятие «горизонт ожиданий» имеет различное смысловое наполнение. Яусс вывел из него специализированное эстетическое понятие, характеризующее рецепцию, т.е. читательское восприятие литературы. Мы предлагаем использовать это понятие по отношению к художественным текстам шире, чем это практикуется в рецептивной эстетике, поскольку подразумевается, что «горизонты ожиданий» образуются не только у читателя, но и у героев произведения. Нас интересуют прежде всего герои романов Достоевского и их субъективные «ожидания», сбывшиеся и несбывшиеся, а также оправданные и неоправдавшиеся «репутации» в глазах автора и читателей. Обращение к роману «Идиот» с этой точки зрения весьма плодотворно, поскольку князь Мышкин, центральный герой романа, является персонифицированным «горизонтом ожиданий» для остальных персонажей. Для Рогожина, Лебе-

дева, Иволгина, Настасьи Барашковой, Аглаи Епанчиной и для многих других Мышкин становится по ходу сюжета крайне важен и прямо влияет на их судьбы. Это исключительное положение героя было определено Достоевским изначально. Он писал в 1867 г. А.Н. Майкову: «Давно уже мучила меня одна мысль, но я боялся из нее сделать роман, потому что мысль слишком трудная... <...> Идея эта – *изобразить вполне прекрасного человека*. Труднее этого, по моему, быть ничего не может, в наше время особенно. <...> Но целое? Но герой? Потому что целое у меня выходит в виде *героя*. <...> И вообразите какие, само собой, вышли ужасы: оказалось, что кроме героя, есть и героиня, а стало быть, ДВА ГЕРОЯ! И кроме этих героев есть еще два характера – совершенно главных, то есть *почти героев*. <...> Из четырех героев – два обозначены *в душе у меня* крепко, один еще совершенно не обозначился, а четвертый, то есть главный, то есть первый герой, – чрезвычайно слаб. Может быть, в сердце у меня и не слабо сидит, но ужасно труден» (далее тексты писателя цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страниц – курсивы Достоевского. – Е. Г.) [3, т. 28/2, с. 240–241].

Два героя, обозначенные «крепко», – это Рогожин и Настасья Филипповна. Еще «не обозначенный» характер – Аглая Епанчина (Там же, т. 9, с. 358). И главный герой – это, конечно, Лев Мышкин. Достоевский не только предчувствовал исключительную «трудность» его образа, но ему приходилось ее художественно преодолевать.

К князю Мышкину в романе приковано всеобщее внимание. В этом смысле он – «горизонт ожиданий» для остальных. Но важно, что это крайне разнородный, противоречивый и постепенно *становящийся* и *корректируемый* «горизонт». Изначально его неоднозначность задается в самом названии романа. В этой связи убедительное замечание сделал Х.-Ю. Геригк: «Название романа следует понимать как *формулу неверной оценки*. Свой литературный облик князь Мышкин обретает в ситуациях, систематически со-

здаваемых Достоевским для неверного восприятия героя» (курсив автора. – Е. Г.) [4, с. 118].

Развитие «формулы неверной оценки» показывают авторы монографии по поводу названия романа: «...по ходу повествования автор неоднократно демонстрирует подходы к его переосмыслению. Причем недоумевают по поводу репутации князя Мышкина как “идиота” самые разные персонажи. Вот, например, сестры Епанчины при первом же знакомстве с князем замечают: “Этот князь, может быть, большой плут, а вовсе не идиот, – шепнула она (Александра) Аглае” [3, т. 8, с. 48]. Для особо «недогадливых» персонажей и, может быть, читателей автору самому приходится пояснять, как, например, в таком случае (передавая впечатление Гани Иволгина): “Этот “идиот”, которого он так третирует, что-то уж слишком скоро и тонко умеет иногда все понять и чрезвычайно удовлетворительно передать” (Там же, с. 75) <...> Наконец, автор дает высказаться на эту тему и центральному (“заглавному”) герою: “Меня тоже за идиота считают все почему-то, я действительно был так болен когда-то, что тогда и похож был на идиота; но какой же я идиот теперь, когда я сам понимаю, что меня считают за идиота?” [(Там же, с. 64). Этот вопрос, выделенный нами в цитате курсивом, фактически изначально подразумевается в названии романа и как бы раскрыт на перспективу повествования. А точнее сказать, название *провоцирует* читательское внимание на последующую постановку комплексного вопроса со многими нюансами: какой же он *идиот*? И для кого он *идиот*? И в каком смысле? И т.д. и т.п.» [5, с. 73–74].

Однако основная трудность замысла для писателя состояла не в том, чтобы выставить героя как «чудака», которого можно принять и за «идиота». Труднее всего было *изобразить вполне прекрасного человека*. Примечательны и ранние, в Подготовительных материалах к роману, обозначения Мышкина: «Князь Христос» [3, т. 9, с. 246, 249 и 253]. Нужно иметь в виду пояснение самого Достоевского: «НВ. Князь только *прикоснулся* к их жизни. <...> Но где только он ни *прикоснулся* – везде он оставил неисследимую черту» (Там же, с. 242). Это вполне соответствует воздействию на людей самого Христа.

Первоначально почти все, узнавая пришельца из Швейцарии, не верят своим «глазам и ушам». И понятно почему: «положительно прекрасный человек» с первого взгляда *неправдоподобен* и поначалу *неузнаваем*. Потому что таких в реальной действительности (которую убедительно воспроизводит Достоевский), с ее социальными и прочими нормами поведения, – как бы и *не бывает*. Но по ходу общения с ним отношение к Мышкину у других персонажей неизменно меняется.

Особенно многообразно показана динамика мнений о Мышкине в семье Епанчина. Иван Федорович представлен в романе как человек недалекий, меркантильный, но достаточно чуткий. С первого взгляда он оценить князя не способен. Но прозрение наступает достаточно скоро: «Взгляд князя был до того ласков в эту минуту, а улыбка его до того без всякого оттенка хотя бы какого-нибудь затаенного неприязненного ощущения, что *генерал вдруг остановился и как-то вдруг другим образом посмотрел на*

своего гостя; вся перемена взгляда совершилась в одно мгновение. <...> – Вот что, князь, – сказал генерал с веселою улыбкой, – *если вы в самом деле такой, каким кажетесь, то с вами, пожалуй, и приятно будет познакомиться*» [3, т. 8, с. 23–24].

По замыслу автора, генералу Епанчину свойственны обычные, банальные, но не во всем низменные «горизонты ожиданий». Некоторые из них смыкаются друг с другом – такие как личное счастье трех его дочерей и их же финансовая выгода. В других сюжетных ситуациях Достоевским почти сатирически показано, как меркантильности Епанчина не суждено сработать из-за его же душевной глухоты. Например, при знакомстве с Мышкиным генерал успел оценить его каллиграфию в финансовом измерении: «Да вам прямо можно тридцать пять рублей в месяц положить, с первого шагу» (Там же, с. 30). Ссудил он при этом князя, по доброте душевной, и двадцать пять рублями. В то же время Епанчин на протяжении этой сцены *четырежды* перебивает Мышкина, когда тот пытается заговорить о письме, по которому ему причитается более чем миллионное состояние.

Поясним значимость проблемы денег в произведениях Достоевского [6, с. 28–33] и [7]. Уже в «Преступлении и наказании» она выражена очень остро. Ради денег *переступает* свою честь и почти губит себя Соня Мармеладова. Отчасти ради них же идет на свое преступление Раскольников. Но деньги деньгам – рознь: если деньгами, полученными от матери и сестры, герой не задумываясь помогает нуждающимся, то воспользоваться для того же награбленным после убийства процентщицы у него «руки не поднимаются». В любом случае, деньги так или иначе входят как составляющая в «горизонты ожиданий» обоих главных героев этого романа.

По замечанию И. Бродского, у Достоевского зачастую «...речь идет о деньгах не столько реальных, сколько метафизических» [8, с. 117]. В каком смысле деньги могут пониматься «метафизически», в романе «Идиот» поясняет Лебедев в своем толковании Апокалипсиса: «...Мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как все в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут: “мера пшеницы за динарий и три меры ячменя за динарий”... да еще дух свободный, и сердце чистое, и тело здоровое, и все дары божии при этом хотят сохранить» [3, т. 8, с. 167–168].

В.Я. Кирпотин ставил в прямую зависимость значение денег с центральной идеей писателя в этом романе: «Воцарились деньги. Деньги стали восполнять и заменять человека, делать его уважаемым, влиятельным, талантливым, красивым, стали давать ему любовь и власть. <...> Использование капитала изображено в “Идиоте” как ничем не ограниченное потребление, как необузданные траты – на кутежи, на женщин, на подкармливание клиентеллы, на лихое разбрасывание денег направо и налево» [8, с. 28]. С позиций такого понимания исследователь интерпретирует и толкование Лебедевым Апокалипсиса: «...Достоевский <...> тщательно “ткал” текст таким образом, чтобы он ненавязчиво, незримо соответствовал толкованию Лебедева: и Петербург, и Россия, да и вся Европа находятся при коне вороном <...>. В Апо-

калипсисе же и в «Идиоте» в рассуждениях Лебедева обнаруживается влияние социальных учений, сумевших уже установить, что абстрактная и всеобщая эквивалентность денег способна обратить в товар, годный для продажи, любую качественную ценность» [9, с. 32].

В романе «Идиот» проблема денег поставлена более остро и многозначительно, чем в «Преступлении и наказании». Примечательна в этой связи сцена знакомства Рогожина и Мышкина. «Полубивший» князя Парфен первым делом предлагает: «...денег полны карманы набью, и... поедем к Настасье Филипповне!» [3, т. 8, с. 13]. Он и недоступную красавицу Настасью пытается ведь завоевать именно деньгами. Но парадокс ситуации в том, что в вагоне поезда встретились, как потом выясняется, сразу два потенциальных миллионера и претендента на руку Настасьи Филипповны. И финансовая составляющая при этом, на наш взгляд, далеко не случайна.

В советском достоевведении особое отношение князя Мышкина к деньгам отмечали фактически все серьезные исследователи. Среди них – Л.П. Гроссман и Г.М. Фридлиндер [10]. Гроссман считал, что Достоевский видел свою задачу показать неизбежное поражение «идеального человека <...> в мире золотого тельца, <...> в царстве наживы, сладострастия и преступления» [11, с. 424]. Это можно понять, если учитывать собственную позицию исследователей – стремление увидеть в Достоевском союзника в обличении буржуазной действительности. Сегодня мы можем и должны быть более объективны в интерпретации писательского замысла и его воплощения в романе.

Что касается Мышкина, то здесь нужно иметь в виду важный нюанс, связанный с ореолом героя как «положительно прекрасного человека». Таковы реалии действительности, в которых показан Мышкин, что до обретения репутации «миллионера» он мало что значит в глазах окружающих, а после «обнародования» факта богатства у большинства по-новому открылись на него глаза. Такова загадочная *власть денег*, которая воздействует почти на всех. Так в романе как бы *финансово восполнился* до своего предела «горизонт ожиданий», воплощенный для всех персонажей в князе Мышкине.

Примечательно, что произошло это почти одновременно на вечере у Настасьи Филипповны. Притом в этой развернутой сцене показано как минимум три поворотных события.

Во-первых, князь Мышкин делает брачное предложение Настасье. Она встречает это с недоверием и фактически отказывает:

«– Вот еще нашелся! <...> А ведь впрямь от доброго сердца, я его знаю. Благодетеля нашла! А впрочем, правду, может, про него говорят, что... того. Чем жить-то будешь, за себя-то уж так влюблен, что рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?.. <...> Да и куда тебе жениться, за тобой за самим еще няньку нужно!» [3, т. 8, с. 138].

Во-вторых, обнаруживается факт наследования князем более чем миллионного состояния. И примечательно, что сам Мышкин, в отличие от Рогожина и остальных, не придает деньгам решающего значения. Исходное и главное – его чувства, отношение к ней:

«Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас, Настасья Филипповна. <...> Если мы будем бедны, я работать буду, Настасья Филипповна... <...> Но мы, может быть, будем не бедны, а очень богаты, <...> я получил в Швейцарии письмо из Москвы от одного господина Салазкина, и он меня уведомляет, что я будто бы могу получить очень большое наследство» [3, т. 8, с. 138–139].

Очень характерно ведут себя при этом почти все присутствующие персонажи. Меркантильный Епанчин поражен едва ли не больше и раньше всех: «Да что такое, что такое? <...> да неужто наследство?» (Там же, с. 139). По первому побуждению и Настасья Филипповна забыла о своем недавнем пренебрежительном отказе князю, потому что и для нее финансовая составляющая очень важна. Теперь готова уже иронично примерять к себе новые роли: «– Я теперь и сама княгиня, слышали, – князь меня в обиду не даст! Афанасий Иванович, поздравьте вы-то меня; я теперь с вашей женою везде рядом сяду; как вы думаете, выгодно такого мужа иметь? Полтора миллиона, да еще князь, да еще, говорят, идиот в придачу, чего лучше?» (Там же, с. 141). Однако она все-таки далека от меркантильности Епанчина и других, потому что вскоре вторично отказывает князю и прозорливо указывает ему на другой возможный «горизонт ожиданий»: «Князь! тебе теперь надо Аглаю Епанчину, а не Настасью Филипповну» (Там же, с. 143).

Натася явно угадала, и в глазах Епанчина в Мышкине как «горизонте ожиданий» также многое откорректировано. Об этом свидетельствует финал сцены, когда генерал явно подхватывает подсказку Настасьи насчет Аглаи: «...Ну-с, а князю теперь не Настасью Филипповну надо...» (Там же, с. 148).

А до этого происходит третий шокирующий всех поворот ситуации: Настасья Филипповна бросает в камин предназначенную ей Рогожиным пачку денег, предлагая меркантильному Гане Иволгину (который претендовал на брак ради денег) достать эту пачку голыми руками. И вновь очень характерно ведут себя многие присутствующие, в том числе генерал Епанчин. Он единственный признает поведение Настасьи сумасшествием: «– Не... не... связать ли нам ее? – шепнул генерал Птицыну, – <...> С ума ведь сошла, ведь сошла? Сошла? <...>

– Сумасшедшая? Ведь сумасшедшая? – приставал генерал к Тоцкому» (Там же, с. 145).

Следует отдельно остановиться на образе Гаврилы Ардалионовича Иволгина. Для этого персонажа имеют значение два «горизонта» – деньги и собственное достоинство. Они взаимосвязаны, притом второй из них во многом обусловлен первым.

Этот персонаж противопоставлен в романе князю Мышкину во многих отношениях. В том числе выразительно их противостояние в отношении *денег*. Если Мышкина можно назвать прекрасодушным миллионером, то Ганю Иволгина Настасья Филипповна язвительно обозвала *нетерпеливым нищим* (Там же, с. 90). Сам он так себя характеризует: «Вы вот думаете, что я семьдесят пять тысяч получу и сейчас же карету куплю. Нет-с, я тогда третьегодний старый сюртук донашивать стану и все мои клубные знакомства брошу. У нас мало выдерживающих людей, хоть и все

ростовщики, а я хочу выдержать. Тут, главное, довести до конца – вся задача! <...> Вы мне говорите, что я человек не оригинальный. <...> Это, батюшка, меня давно уже бесит, и я *денег хочу*. Нажив деньги, знаете, – я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают» [3, т. 8, с. 105].

Ганя в такой самохарактеристике противостоит не только Мышкину, но и Настасье Филипповне. Может показаться, что им обоим свойственно ущемленное самолюбие. Однако Настасья Филипповна свое человеческое достоинство противопоставляет денежной мере, а Иволгин, напротив, напрямую связывает их. Ее оригинальность для многих выражается в том, что она способна отказаться от любых денег. Иволгин же надеется добиться признания собственной оригинальности именно «нажив деньги». Эта его убежденность может показаться примитивной и пошлой, и для романа «Идиот» такое впечатление, видимо, будет правильным. Однако сама по себе подобная позиция по отношению к деньгам и накопительству представляла для Достоевского серьезный интерес. Об этом свидетельствует более поздний роман «Подросток». Там центральный герой, Аркадий Долгорукий, окажется своеобразным наследником Гани Иволгина и будет всерьез исповедовать подобную же идею («ротшильдовскую»).

Таким образом, почти для всех персонажей романа в их горизонтах ожиданий немаловажное значение имеет *финансовая составляющая*.

Например, в отношении к деньгам Гани Иволгина раскрывается крайняя позиция: деньги – универсальная ценность; на них «покупаются» или ими «размениваются» все. И нет ничего, чем не стоило бы пожертвовать ради этой ценности. Даже муки уязвленного самолюбия можно перенести ради денег. В этот характер автором не заложены серьезные положительные задатки. Напротив, в нем доминирует ординарность. Даже в меркантильности генерала Епанчина проглядывает больше человечности. Тем более далеко отстают от Иволгина такие герои, как Настасья Филипповна, Рогожин и Мышкин.

В образе Мышкина, как именно «положительно прекрасного человека», эта же составляющая играет немаловажную роль. Этот герой наиболее сложен, и его «взаимоотношения с деньгами» в романе тоже неоднозначны. С одной стороны, перефразируя известную поговорку, можно заключить, что в этом меркантильном мире (в котором показан Мышкин) «встречают по одежке, а провожают... по деньгам». Без своего богатства герой многое потерял бы в глазах окружающих, даже, возможно, утратил бы часть

своего влияния – того влияния, которое обусловлено силой богатства. Однако деньги для Мышкина не имеют абсолютной ценности, наибольшее воздействие на окружающих оказывает личность князя, его обаяние, его уникальное отношение к каждому из них. Но это влияние возникает в уже процессе общения с князем, после того, как происходит взаимодействие героя с князем. Поэтому исключать значение денег для создания образа и этого, наименее меркантильного героя Достоевского, в абсолютной мере не стоит.

Поэтому можно еще раз подчеркнуть, что в романе «Идиот» герои дифференцируются и по такому принципу: насколько деньги определяют их душевное содержание и в какой мере являются составляющей их «горизонтов ожиданий».

Литература

1. Поппер, К. Объективное знание: Эволюционный подход / К. Поппер. – Москва : Эдиториал УРСС, 1979. – С. 91.
2. Яусс, Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения / Х.-Р. Яусс // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 79.
3. Достоевский, Ф. М. ПСС : в 30 томах / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1972–1990.
4. Геригк, Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Х.-Ю. Геригк. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома ; Нестор–История, 2016. – 319 с.
5. Макаричев, Ф. В. Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф. М. Достоевского / Ф. В. Макаричев, А. П. Власкин, Н. А. Макаричева. – Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2022. – 219 с.
6. Власкин, А. П. Аксиология денег в художественном мире Достоевского / А. П. Власкин // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. – Великий Новгород, 2006. – С. 28–33.
7. Кузнецова, Е. В. Художественная аксиология в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» : специальность 10.01.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кузнецова Е. В. – Магнитогорск, 2009. – 208 с. – 206 с.
8. Бродский, И. А. Власть стихий. О Достоевском / И. А. Бродский // Бродский И. А. Собрание сочинений : в 7 томах. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1999. – Т. 5. – 376 с.
9. Кирпотин, В. Я. Мир Достоевского / В. Я. Кирпотин. – Москва : Советский писатель, 1988. – 470 с.
10. Фридлиндер, Г. М. Идеал «положительно прекрасного» человека. «Идиот» // Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1964. – С. 218 – 276.
11. Гроссман, Л. П. Достоевский / Л. П. Гроссман. – Москва : Молодая гвардия, 1965. – 608 с.

E.A. Gorbarenko

«HORIZONS OF EXPECTATIONS» AND THE PROBLEM OF MONEY IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE IDIOT»

The article presents the experience of researching Dostoevsky's novel «The Idiot» in terms of receptive aesthetics. The author focuses on the «horizons of expectations» of the characters in the novel. Myshkin, according to the author's plan, is an image of a «positively beautiful person» and himself becomes a universal «personified horizon of expectations» for other heroes. Another important factor determining the «horizon of expectations» of the characters in the novel is money. The attitude towards money is another universal criterion for assessing the personality of a particular character.

Receptive aesthetics, positive hero, dynamics of the artistic image, horizons of expectations, the plot of the novel.